

Сапанов С.Ж.¹, Шарипказы Н.²

¹д.и.н., профессор кафедры китаеведения, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

²магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры китаеведения Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: nuriknaiman@mail.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ КНР
С НОВЫМИ НЕЗАВИСИМЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ (ННГ)
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

В статье рассматривается становление и развитие отношений КНР со странами ЦА.

Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан и Туркменистан – все эти центральноазиатские государства имеют много общего в своей культуре, языке, религии.

Поэтому после распада Советского Союза некоторые наблюдатели предсказывали, что именно Иран и Турция станут главными конкурентами России в этом регионе. Но как показали события, именно Китай вступил в борьбу за влияние в центральноазиатском регионе.

Авторы анализируют взаимоотношения между КНР и Киргизией, КНР и Туркменистаном, КНР и Таджикистаном, КНР и Узбекистаном, а также КНР и Казахстаном, а также установление стратегического партнерства между ними.

Ключевые слова: дипломатия, стратегические отношения, государственные интересы, взаимоотношение.

Sapanov S.Zh.¹, Sharipkazy N.²

¹doctor of History, Professor of the Department of Sinology
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

²master of Arts, Senior Lecturer Department of Sinology
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
e-mail: nuriknaiman@mail.ru

**Formation and development of china's relations with
the newly independent states (nis) of Central Asia**

The article deals with the formation and development of China's relations with Central Asian countries. Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Turkmenistan – all these Central Asian states have much in common in their culture, language, religion. Therefore, after the collapse of the Soviet Union, some observers predicted that it is Iran and Turkey that will become Russia's main competitors in this region. But as events have shown, it was China that entered the struggle for influence in the Central Asian region.

The authors analyze loan relations between China and Kyrgyzstan, China and Turkmenistan –istan, China and Tajikistan, the PRC and Uzbekistan, as well as the PRC and Kazakhstan, as well as the establishment of a strategic partnership between them.

Key words: Diplomacy, strategic relations, state interests, loan.

Сапанов С.Ж.¹, Шарипказы Н.²

¹т.ғ.к., қытайтану кафедрасының профессоры, әл-Фараби атындағы
Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

²қытайтану кафедрасының аға оқытушысы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: nuriknaiman@mail.ru

**ҚХР мен Орталық Азиядағы жаңа тәуелсіз мемлекеттердің /ЖТМ /
қарым-қатынастарының қалыптасуы мен дамуы**

Мақалада ҚХР мен Орталық Азияның КСРО ыдырағаннан кейінгі жас тәуелсіз мемлекеттері арасындағы қарым-қатынастарының эволюциясы берілген. Оның ішінде Қытай – Қырғызстан, Қытай – Түркіменістан, Қытай – Тәжікстан, Қытай – Өзбекстан және Қытай – Қазақстан қатынастары қамтылған.

Қазақстан, Тәжікстан, Қырғызстан, Өзбекстан және Түркіменстан мемлекеттері ортақ мәдени, тіл және діни ортақтығы бар елдер. Сондықтан да КСРО ыдырағаннан кейін осы аймақта негізінен Иран мен Түркия Ресейге негізгі бәсекелесі болады деп күтілген еді. Алайда бұл бақталастыққа Қытай араласып, тізгінді өз қолына алуға тырысуда.

Автор бұл мемлекеттер арасындағы қатынастардың өзекті мәселелерін қарастыра отырып, екі жақты стратегиялық әріптестіктің қалыптасу ерекшеліктеріне тоқталады.

Түйін сөздер: дипломатия, стратегиялық қатынастар, мемлекеттік мүдде, ынтымақтастық.

Сегодня, рассматривая ситуацию в Центральной Азии, не обойтись без анализа китайского фактора и его влияния на регион. Китайский приоритет в сфере региональной безопасности хорошо известен – развитие Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). Как известно, Пекин выделил своим центральноазиатским партнерам по ШОС товарные кредиты на 900 млн. долл. [1]. В этой связи часть экспертов говорят о возможной угрозе, которую потенциально может нести Китай странам центральноазиатского региона по мере укрепления своих экономических позиций. Но пока этого не происходит. Причем Китай (как и Россия), в отличие от Запада, не критикует руководство стран данного региона «за нарушения демократии», ставя во главу угла развитие экономического сотрудничества и безопасности. Это вызывает определенное доверие правящих элит, все больше склонных сегодня рассматривать Китай и Россию как некий противовес Западу.

Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан и Туркменистан – все эти центральноазиатские государства имеют много общего в своей культуре, языке, религии, истории с такими мусульманскими государствами, как Пакистан, Иран, Турция. Поэтому после распада Советского Союза некоторые наблюдатели предсказывали, что именно Иран и Турция станут главными конкурентами России в этом регионе. Но как показали события, именно Китай вступил в борьбу за влияние в центральноазиатском регионе.

После обретения бывшими советскими республиками в Центральной Азии статуса не-

зависимых государств КНР незамедлительно заявила об их дипломатическом признании, начала развивать политические и торгово-экономические связи с ними. Наглядным показателем этого курса явился визит в 1994 году премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Ташкент, где он сформулировал политику Пекина в отношении стран этого региона.

Во время своего визита в Ташкент премьер Госсовета Ли Пэн обозначил четыре основных направления развития связей с центральноазиатскими странами:

1) у КНР и центральноазиатских республик много общих интересов, которые могут стать основой дружественных отношений;

2) развитие сотрудничества КНР со странами Центральной Азии не направлено против третьих стран;

3) у Китая нет намерений конкурировать в этом регионе с Россией;

4) у КНР в Центральной Азии нет корыстных интересов, и она не угрожает центральноазиатским государствам.

По мнению Ли Пэна, отношения между Китаем и странами Центральной Азии вступили в новый этап. «Мы хотим, – продолжал он, – чтобы центральноазиатские государства жили в солидарности и развивали дружественные отношения со всеми странами, в том числе с Россией и другими странами СНГ» [2].

Китайские эксперты указывают, что Китай придерживается шести основных установок при сотрудничестве с государствами Центральной Азии:

- исходить из принципов равноправия и учета взаимных интересов, вести дела в соответствии с экономическими закономерностями; взаимная доступность, выгода и создание благоприятных условий должны быть положены в основу экспортно-импортных операций; торговые сделки надлежит осуществлять в установленном порядке;

- следует всячески разнообразить формы сотрудничества. Бартерную торговлю необходимо постепенно переводить на расчеты в наличной валюте и совершенствовать систему банковских расчетов. Китай одобрительно относится к развитию экономического сотрудничества пяти стран Центральной Азии с его провинциями и городами;

- исходя из реальной обстановки, умело использовать местные сырьевые источники и преимущества местных материалов, их конкурентоспособность, выявлять потребности рынка, степень надежности партнера, возможности крупных предприятий;

- совершенствовать транспортные коммуникации, прокладывать новые «шелковые пути», общими усилиями использовать на благо народов различных стран существующие транспортные коммуникации, связывающие Европейский и Азиатский материки;

- рассматривать незначительную ныне экономическую помощь Китая центральноазиатским странам как проявление дружеских чувств;

- всемерно развивать приграничное сотрудничество с каждой из стран Центральной Азии и тем самым способствовать общему развитию.

Некоторые китайские исследователи более откровенно и развернуто пишут о китайской стратегии в этом регионе. Например, в статье сотрудника Шанхайского института международных исследований Ван Вэйчжоу говорится о том, что для Китая распад СССР и образование независимых Казахстана, Узбекистана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана и Азербайджана являются весьма благотворными, так как, во-первых, в результате этого существенно сократилось непосредственное территориально-пограничное соприкосновение Китая с Россией, а на 3700-километровой границе КНР с тремя новыми среднеазиатскими государствами образовался своего рода буфер, отделяющий КНР от России. Тем самым, подчеркивает Ван Вэйчжоу, уменьшается давление России и опосредствованно через нее влияние Запада на Китай. Во-вторых, возникающее противостояние России и среднеазиатских стран «выгодно Пеки-

ну, т.к. появляется возможность использовать противоречия между ними для развития отношений Китая с обеими сторонами». Такая ситуация выгодна Китаю, поскольку он в результате оказывается в лучших условиях безопасности и получает «хорошие условия для проникновения на рынки Средней и Западной Азии» и для ускорения реформ в Западном Китае (прежде всего в Синьцзяне).

Китайцами тщательно отслеживается положение в тех государствах, которые примыкают к территории КНР, это Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан и Туркменистан.

Исследователи отмечают, что в Средней Азии (исключая Таджикистан, раздираемый внутренними конфликтами) процесс становления независимости избежал болезненных политических потрясений. Позитивным фактором в КНР считают введение в ряде стран президентского правления, что облегчает реализацию политических решений.

Одновременно фиксируются и негативные для Китая факторы, связанные с независимостью этих стран, особенно подъем национализма в Средней Азии. Так, в Пекине с беспокойством было воспринято создание в 1992 г. «Всемирного казахского центра», председателем которого стал Н. Назарбаев и который ставит целью объединение всех казахов во всемирном масштабе. Подобные устремления для Китая, имеющего значительную казахскую прослойку в Синьцзяне и Внутренней Монголии (около 1 млн. человек), звучат в определенном смысле провокационно. В негативном свете интерпретируется в Китае и возникновение в Казахстане «Уйгурского международного союза», что воспринимается как определенная реанимация проблемы «Восточного Туркестана».

К числу негативных факторов, с точки зрения китайского правительства, относится усиление сепаратистских настроений в Синьцзян-Уйгурском автономном округе и в Тибете, поэтому оно считает весьма важным «бдительность» властей в отношении подрывной деятельности антиправительственных сил.

Шанхайские исследователи из Института современных международных отношений Хэ Сицюань и Чэнь Миньшенъ указывают, что все пять среднеазиатских государств взяли демократию и секуляризм в качестве принципов национального строительства и приняли особые меры против сил, представляющих угрозу их государственной и социальной стабильности. Отмечается, в частности, что во всех пяти странах религиоз-

ным партиям отказано в участии в политической жизни, фундаменталистские же организации вообще запрещены, а их лидеры были вынуждены уйти в подполье или оказались в эмиграции.

Пекин добился от Казахстана гарантий о невмешательстве во внутренние дела КНР в части, касающейся возможной поддержки сепаратизма.

Большую роль в позитивном развитии двусторонних отношений сыграло недвусмысленное заявление Н. Назарбаева в ходе его визита в октябре 1993 г. о неприятии Казахстаном сепаратизма и исламского фундаментализма, а также о принципиальной позиции Казахстана в отношении принадлежности Китаю острова Тайвань. Это было воспринято в Пекине как подлинная заинтересованность в развитии сотрудничества.

В 2009 году вновь обострившаяся внутривнутриполитическая ситуация в Синьцзяне способствовала вынесению на повестку дня отношений Китая с государствами Центральной Азии еще одной сложной проблемы – проблемы этнического сепаратизма. Для Пекина, справедливо усмотревшего в этой тенденции зримую угрозу национальной безопасности, было крайне важно получить надежные гарантии со стороны центральноазиатских государств, в первую очередь Казахстана, о невмешательстве во внутренние дела КНР.

Например, в 1994 году, когда в Синьцзяне обострилась внутривнутриполитическая ситуация, которая была связана с активизацией деятельности «Фронта освобождения Восточного Туркестана», что повлекло за собой казахстанско-китайскую встречу в верхах. Она состоялась в сентябре 1995 года. Стороны заявили полное совпадение позиций в отношении Тайваня, национального сепаратизма. Н. Назарбаев заявил, что в Казахстане придают очень большое значение добрососедским взаимоотношениям с Китаем. Столь же настороженно отнеслись в Китае к проявлениям амбиций Узбекистана стать центром «Среднеазиатского сообщества», что также ассоциируется там с идеей «Восточного Туркестана» и с носителями пантюркизма, бежавшими из Синьцзяна и обосновавшимися в Турции. Пантюркизм, как подчеркивает Ван Вэйчжоу, стоит в одном ряду по своей вредоносности с исламским фундаментализмом и крайним национализмом. В связи с этим в КНР с одобрением восприняли заявление Нурсултана Назарбаева, сделанное им в Стамбуле в 1993 году на Совещании глав государств Центральной Азии. В нем говорилось о неприемлемости создания «тюркского союза», а также других союзов, имеющих

под собой религиозную или этническую основу [3].

Китай не может не беспокоить активизация стран Запада, НАТО в республиках бывшего СССР, примыкающих к Китаю. Пекин заинтересован в создании около своих северо-западных границ (Синьцзяна) буферной зоны, заслона на пути продвижения НАТО к Китаю, на пути распространения исламского экстремизма.

Ещё в 1996 году «Жэньмин жибао» писала об оживлении интереса на Западе к теме расширения НАТО на Восток, о том, что США предприняли попытку дотянуться до стран СНГ, решил отменить эмбарго на военные поставки в Грузию, Казахстан, Киргизию, Молдавию, Туркменистан, Узбекистан. Пекин проявляет серьёзное беспокойство по поводу этого смещения военно-стратегического давления НАТО в направлении границ Китая.

Трудно переоценить значение «китайского фактора» как для обстановки в Центральной Азии, так и для международной политики в целом. Едва ли сегодня мы можем дать однозначный ответ на вопрос, существует ли угроза доминирования и выхода республики на главенствующие позиции. Тем не менее, проникновение Китая в регион бесспорно. И это реалии не только сегодняшние: о возможности нарастания китайского влияния говорят еще с момента образования СНГ.

Не последнюю роль играет и позиционирование Китая на мировом уровне – позиционирование, не всегда совпадающее с целями и интересами других крупных держав, но зачастую позволяющее быстро и на выгодных условиях входить в экономические и торговые союзы со странами-партнерами. Именно репутация мирного государства, охотно идущего на соглашения, государства, готового инвестировать в экономику – имеет принципиальное значение. Собственные подчас «мировые» претензии КНР декларирует как «стратегическое партнерство», направленное «на мир и процветание». На первый взгляд, речь действительно идет о взаимной выгоде – республики получают так необходимое им финансовое обеспечение, а взамен – делятся ресурсами, которые наиболее востребованы в КНР. Вместе с тем, растущие потребности Китая неизбежно приводят к тому, что при активной поддержке в Центральной Азии ТЭК, при содействии в развитии торговли – на второй план отходят те отрасли и направления жизнеобеспечения региона, в конечном продукте которых китайцы не заинтересованы.

Нельзя не учитывать и того, что понимание так называемого китайского фактора в России отличается от того, как комментируют внешнеполитический курс КНР китайские специалисты. Невозможно осуществлять открытую экономическую экспансию региона и признавать за собой стремление получить особый статус в Центральной Азии, не имея на то веской причины, заявленной мировому сообществу. И у Китая такая причина есть. В негласном союзе состоят США и Япония, которые определяют деятельность республики как «угрозу». Пытаясь «обезопасить» себя, они сотрудничают. Штаты, кстати, наравне с КНР в значительной степени заинтересованы в ресурсах азиатских республик. Китай, в свою очередь, обвиняет Соединенные Штаты в агрессивной политике и тем самым объясняет свои «аппетиты» – вполне законным желанием обеспечить национальную безопасность. Невыгодна для КНР и репутация государства с амбициями мирового лидера. Поэтому ставка сделана на такие понятия, как объединение усилий, взаимопомощь. Не отрицая развитости своей экономики и претензий на богатства недр Центральной Азии, Китай абсолютно не признает за собой стремлений к мировому доминированию. В качестве доказательной базы приводятся активно цитируемые принципы мирного сосуществования государств, среди которых: невмешательство во внутренние дела стран-союзниц, уважение суверенитета и политического выбора, добрососедство, сотрудничество, равенство сторон. Именно эти положения признаются теоретической основой китайской международной политики.

Особую озабоченность Китая вызывали последствия революции в Кыргызстане. Как известно, 24 марта 2005 г. в Бишкеке оппозиция организовала массовые выступления, в ходе которых в столице произошел государственный переворот («тюльпановая революция»). Официальная оценка событий Китаем на тот момент укладывалась в четкую формулировку: несмотря на произошедшее, необходимо сохранить мир, стабильность и статус-кво как в рамках двусторонних отношений с Кыргызстаном, так и в многостороннем формате – в рамках ШОС. Вместе с тем, в Пекине были (и сохраняются) опасения относительно дальнейших внешнеполитических шагов Бишкека. Если суммировать китайские экспертные оценки 2005 г., то можно выделить следующие их ключевые пункты: возможное влияние киргизской революции на активизацию трансграничного уйгурского сепаратизма; опа-

сения Пекина относительно смены внешнеполитического курса Бишкека и его участия в ШОС; возможности США по использованию своего военного присутствия на базе Манас для разведывания масштабной разведывательной деятельности против Китая; угроза для китайской торговли; опасность инициирования новым руководством пересмотра ратифицированных при А. Акаеве киргизским парламентом соглашений о киргизско-китайской границе.

Большинство опасений оказались напрасными. Двусторонняя торговля не уменьшилась, а даже возросла. Уровень политических отношений Пекина и Бишкека остался достаточно высоким. Единственная серьезная проблема, которая сохранилась и напрямую затрагивала (и затрагивает) безопасность Китая, – это вопрос об американской авиабазе в Манасе. Как известно, в резолюции саммита ШОС (Астана, 2005 г.) было прописано положение о необходимости вывода американских баз с территории Киргизии (Манас) и Узбекистана (Ханабад). Руководство Узбекистана в конце 2005 – начале 2006 гг., оказывая постоянное давление на американцев, сумело побудить их покинуть территорию Узбекистана. Что касается киргизского руководства, то оно, ссылаясь на финансовые трудности, сохраняет американскую базу как один из выгодных источников пополнения бюджета и в принципе не ставит перед Вашингтоном вопроса о ее выводе. Понятно, что американцы, кроме официальных целей (поддержка антитеррористической коалиции в Афганистане), предполагают использовать данную базу для «сдерживания» Китая и России.

Киргизское руководство, несмотря на неоднократные обращения американских официальных представителей в Бишкеке относительно возможности расширения авиационных мощностей на базе Манас, подтвердило запрет на использование американцами самолетов-разведчиков типа «Авакс» и других. В настоящее время, в связи с обострением ядерного кризиса вокруг Ирана, американцы вновь будут поднимать в Бишкеке вопрос о возможности использования самолетов различных типов.

В апреле 2005 г. некоторые китайские эксперты в контексте киргизской «революции» отмечали слабость России, которая, по их мнению, сознательно дистанцировалась от известных событий и тем допустила непростительную ошибку. Один из ведущих китайских экспертов Цзи Чжитао, например, считает, что Россия должна была использовать организацию ОДКБ для помощи А. Акаеву, выполнив, таким образом, ус-

ловия договора 1992 г. В частности, он пишет: «свержение А. Акаева для нее станет большой потерей. Политический переворот в Кыргызстане – это новый показатель снижения влияния России в странах бывшего Союза, который последовал за Грузией и Украиной, где были дружественные режимы, входившие в российскую традиционную сферу влияния [4]. Серия «цветных провокаций» была предназначена для ослабления влияния России. Москва же проявила вялость в отношении революции в Кыргызстане, в отличие от ситуации в Украине, где В. Путин четко выступил в поддержку кандидатуры Януковича и его пророссийского правительства».

Китайское руководство очень волновал исход выборов президента Киргизии 10 июля 2005 г. Многие ведущие эксперты не исключали, что К. Бакиев при определенных условиях будет проводить проамериканскую линию после своей победы, что было бы очень опасно для Китая и ШОС в целом. Так, Цзи Чжитао в этой связи пишет: «Если проамериканские политики выигрывают на выборах в июле, то встанет под сомнение вопрос дальнейшего участия Кыргызстана в ШОС и размещения региональной антитеррористической структуры в Кыргызстане. Такая возможность бросит большой вызов будущему ШОС, может негативно отразиться на строительстве железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Предполагалось, что железная дорога длиной в 600 км станет кратчайшей из Синьцзяна на Средний Восток и в район Персидского залива, простирающейся далее в Европу. Новый Шелковый путь XXI века запланирован с тем, чтобы соединить Пекин с Парижем, но может, однако, быть отложен в ближайшем времени» [5].

Данные публикации отражали больше эмоциональный, а не прагматический настрой китайских экспертов и политиков на период апрель – июль 2005 г. К концу 2005 г. страсти улеглись, и в 2006 г. отношения Пекина и Бишкека окончательно вернулись в нормальное русло. В Пекине оценивают произошедшее в Бишкеке как ошибку А. Акаева, отдавшего власть без борьбы. Однако смена власти в Киргизии после А. Акаева не оправдала надежды «киргизских революционеров».

Нынешнее руководство Киргизии во главе с Президентом А. Атамбаевым проводит курс на стратегическое партнерство с Россией, и ожидается вступление Киргизии в ЕАЭС. Таким образом, пророссийская политика А. Атамбаева вызывает неоднозначную реакцию китайского руководства на сегодняшний день.

Пока в Таджикистане шла гражданская война, Китай оставался сторонним наблюдателем, не вмешиваясь во внутренние дела соседа. Только после того, как ситуация в Таджикистане стабилизировалась, Пекин обозначил определенный интерес к республике, предложив Душанбе урегулировать вопросы спорных приграничных территорий в обмен на добрососедские отношения.

После образования Таджикистана в 1992 году в результате распада СССР КНР заявила о необходимости подписания нового договора о границе и пересмотра некоторых демаркационных линий.

13 августа 1999 года между двумя странами было подписано соглашение «О таджикско-китайской государственной границе», согласно которому Таджикистан сохранял полную юрисдикцию над спорным участком в районе перевала Карзак, но уступал Китаю около 200 кв. км. другого участка близ реки Маркансу, т.е. вопрос был решен путем раздела второго участка пополам между Китаем и Таджикистаном.

Проблема территориальной принадлежности третьего участка решилась во время визита президента Таджикистана Эмомали Рахмона в Китай. В мае 2002 было подписано дополнительное соглашение «О демаркации границы и урегулировании территориальных споров», согласно которому Таджикистан согласился передать Китаю 1 тыс. кв. км. из 28 тыс. кв. км. спорных территорий в районе Восточного Памира (Мургабский район на востоке Таджикистана). В мае 2004 года, в соответствии с подписанным правительствами Китая и Таджикистана соглашением, открылся первый контрольно-пропускной пункт на китайско-таджикской границе – КПП «Карасу». 12 января 2011 года парламент Таджикистана проголосовал за передачу Китаю тысячи квадратных километров спорных территорий в горах Памира. 6 октября 2011 года завершился процесс передачи таджикской территории под юрисдикцию Китая 1 тыс. 158 квадратных километров, что составляло 5,5 % всех спорных территорий. 6 мая 2013 года, по сообщению ряда мировых СМИ, китайские войска вторглись в Мургабский район Горно-Бадахшанской области Таджикистана. Позже эта информация была опровергнута.

Это соглашение позволило Душанбе прервать фактическую транспортную блокаду, в которой он оказался по причине исторически напряженных отношений с Узбекистаном и непрекращающейся гражданской войны в Афга-

нистане. Поэтому китайское направление стало одним из приоритетных для будущего развития внешней торговли Таджикистана – в 2004 году была проложена имеющая стратегическое значение автомобильная дорога через перевал Кульма-Каракорум, которая вывела из глухой изоляции Горно-Бадахшанскую область страны, весь советский период сводившую концы с концами лишь благодаря дотациям.

В 2006 году наметилось китайско-таджикское сотрудничество в военной сфере – были проведены антитеррористические учения «Взаимодействие-2006» с участием военной авиации и тяжелой бронетехники, в ходе которых подразделения двух государств отрабатывали не только вопросы взаимодействия, но и проводили условные операции по ликвидации условных террористических групп. Актуальность этого направления обусловлена проблемами с радикальной партией «Хизбут-Тахир» в Таджикистане и с боевиками «Восточного Туркестана», борющимися за отделение Синьцзянь-Уйгурского автономного округа, – в Китае.

На сегодняшний день товарооборот между двумя странами составляет 2 миллиарда долларов США. Китай помогает Таджикистану в развитии его экономики. В 2012 году Таджикистан получил от Китая почти 1 миллиард долларов США в виде грантов, технической помощи и кредитов на льготных условиях.

Отношения КНР с Туркменистаном были сформированы в ряде встреч бывшего президента Сапармурата Ниязова с Ху Цзиньтао. 3 апреля 2006 года состоялись переговоры на высшем уровне и были подписаны важнейшие для двусторонних отношений документы. Это была не первая встреча Сапармурата Ниязова и Ху Цзиньтао – менее года назад они провели переговоры в Москве, где находились в связи с участием в торжествах по случаю 60-летия Великой Победы, а еще раньше, в 1995 году, китайский руководитель, занимавший тогда пост главы партии, совершил визит в Туркменистан.

Оба лидера характеризуют двусторонние отношения как стабильные, не подверженные политической конъюнктуре. Руководитель КНР отметил во время переговоров, что «развитие эффективных и взаимовыгодных связей с Туркменистаном является целенаправленной политикой Китая».

Аналогичную оценку двусторонним отношениям дал и председатель Всекитайского собрания народных представителей У Банго, который в ходе переговоров с туркменским лидером,

отметив личный вклад Сапармурата Ниязова в укрепление дружбы между двумя народами, сказал: «Между нашими странами в политической сфере наблюдается взаимное доверие на очень высоком уровне. И нынешний визит непременно послужит мощным стимулом для торгово-экономического сотрудничества. Я уверен, что подписанные Совместная декларация, Генеральное соглашение о проекте газопровода Туркменистан-Китай будут вписаны в историю китайско-туркменских отношений».

В Совместной декларации по итогам визита стороны выразили единое мнение, что «традиционная дружба между Туркменистаном и Китаем – это драгоценное богатство для обеих стран», а «дальнейшее развитие этой дружбы отвечает общим чаяниям и коренным интересам двух стран и их народов и идет на пользу содействия миру и развитию в регионе и во всем мире» [6].

Руководители двух стран документально зафиксировали готовность «и впредь поддерживать контакты на различных уровнях, в частности на высшем, действительно реализовывать достигнутые договоренности, а также расширять сотрудничество в политической, торгово-экономической, энергетической, гуманитарной и других областях и тем самым выводить туркмено-китайские отношения на качественно новый уровень».

В контексте нынешней международной обстановки представляется важным, что Китай и Туркменистан включили в текст декларации пункт о том, что «оба государства не допускают третью страну использовать территорию своей страны для деятельности, которая может наносить ущерб государственному суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой стороны».

За последние годы в двусторонних отношениях усиливается энергетическая составляющая взаимоотношений.

Так Президент Туркмении Гурбангулы Бердымухамедов на пресс-конференции по итогам госвизита главы КНР в Ашхабад в 2013 году заявил, что стороны подписали соглашение о четвертом направлении газопровода Туркмения-Китай. По его словам, после подписания в 2006 году Генерального соглашения о строительстве газопровода Туркмения-Китай и поставках природного газа из Туркмении в КНР было начато широкомасштабное сотрудничество в этом направлении.

На сегодняшний день Туркменистаном и Китайской Народной Республикой подписана со-

вместная декларация об установлении отношений стратегического партнерства.

Китайские отношения с Узбекистаном развивались на фоне трагических событий в Андижане 12-15 мая 2005 года. Россия и Китай поддержали действия узбекских властей по подавлению бунта в Андижане, организованного исламским радикальным движением «Акрамийя». Позицию Китая по поддержке И.Г. Каримова эксперты объясняли двумя обстоятельствами: стремлением перехватить у США влияние в Узбекистане, а также внутривосточными причинами: у Китая есть проблема с уйгурским национал-сепаратизмом, который так же имеет цвета исламского экстремизма. После вывода американской базы из Ханабада отношения Ташкента и Пекина получили дополнительный импульс для развития. Радикальный шаг президента И.Каримова прямым образом сказался на дальнейшем росте политического доверия и углубления стратегического сотрудничества Пекина и Ташкента как в рамках ШОС, так и на двустороннем уровне. Принципиально важным в этой связи стал официальный визит 21 – 24 мая 2005 г. президента Узбекистана в Китай. Итогом переговоров стало подписание договора о китайских инвестициях в разработку узбекских нефтяных месторождений, расширение торговли, китайских инвестиций, активизации совместной борьбы против терроризма, экстремизма и сепаратизма как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС.

Китай имеет и экономические интересы в Узбекистане, связанные с двумя проблемами – собственной нехваткой энергетических источников и продуктов питания для растущего населения. До последнего времени имидж Китая в Узбекистане был скорее нейтральным. Деятельность Поднебесной больше ассоциировалась с поставками дешевого и некачественного ширпотреба на местные вещевые базары. Крупный бизнес РУ был ориентирован в основном на Запад. Однако в 2005 г. ситуация в этом плане стала быстро меняться – акценты и общая риторика в узбекских СМИ относительно Китая приобрели ярко выраженный позитивный характер.

19-20 августа 2014 года состоялся официальный визит президента Узбекистана Ислама Каримова в КНР. По итогам этого визита была принята программа развития отношений стратегического партнерства на 2014-2018 годы. Также был подписан ряд документов, направленных на дальнейшее развитие технико-экономического сотрудничества между нашими странами, укрепление партнерства в таких сферах,

как энергетика, высокие технологии, банковско-финансовая, уточняет пресс-служба президента Узбекистана. В результате визита было подписано в общей сложности 22 соглашения о сотрудничестве общей стоимостью 5,2 миллиарда долларов. С учетом добавления торгового соглашения общая стоимость сделок, заключенных в ходе этого визита, достигла более 6 миллиардов долларов. Китай остается одним из крупнейших торгово-экономических и инвестиционных партнеров Узбекистана. В частности, за последние шесть лет объем товарооборота между двумя странами вырос почти в 6 раз и в 2013 году составил 5,2 миллиарда долларов. В Узбекистане действуют 482 предприятия, образованные с участием китайских партнеров, в том числе более семидесяти – со стопроцентным китайским капиталом. В Узбекистане зарегистрированы представительства 74 компаний КНР.

К сегодняшнему дню Китай и Казахстан подошли с солидным багажом и опытом взаимодействия. Это позволяет двум странам реализовывать конкретные проекты по сотрудничеству на практике. Сотрудничество в области безопасности, в особенности в плане противодействия «трем силам зла» – международному терроризму, политическому экстремизму, этническому сепаратизму, остается одним из важнейших направлений такого взаимодействия. Во многом благодаря нему Казахстану, находящемуся в эпицентре действия названных угроз, удастся сохранять стабильную и безопасную обстановку.

Казахстан в качестве независимого государства формируется как президентская республика с сильной исполнительной властью и большими президентскими полномочиями.

Приоритетной целью внешней политики РК Назарбаев назвал (выступление в Колумбийском университете 16.02.1994) создание пояса доверия и добрососедства по всему периметру границ Казахстана. «Я был и остаюсь сторонником сохранения исторических сложившихся отношений дружбы, сотрудничества и взаимопонимания во всем пространстве «ближнего зарубежья» и последовательно отстаиваю идею экономической интеграции стран-членов СНГ» [7].

Казахстан объективно является «мостом» и одновременно «буфером» между двумя культурно-цивилизационными общностями: славяно-православной и тюрко-мусульманской. На казахстанской земле происходит сложный процесс синтеза этих цивилизаций, который наряду с взаимообогащением имеет взрывоопасный потенциал.

Президент Казахстана ищет пути к повышению синтезирующих, а не конфронтационных элементов у стран Азии, предлагая очень широкую модель по сути континентального сотрудничества стран «Хартленда» – геополитической «сердцевины» по Макинтеру – дабы не только сосуществовать на равных с двумя мировыми цивилизационными центрами (европейским и тихоокеанским), но и, возможно, играть доминирующую роль в этом треугольнике.

Деликатная тема в двусторонних отношениях – положение этнических казахов, проживающих в Китае. Как известно, в КНР насчитывается около 1,5 млн. казахов [8]. Руководство Казахстана не ставит перед собой цели добиваться их массового переселения. В этом нет ни полити-

ческой, ни практической необходимости. Речь идет об обеспечении и соблюдении их прав, сохранении языка, культуры. Что касается желания казахов вернуться на историческую родину, то это должно рассматриваться через призму уважения законов обеих стран. В таком ракурсе рассматривались эти проблемы в ходе переговоров на высшем уровне. Итогом неоднократных обращений Н. Назарбаева по этому вопросу стала позиция Пекина: китайское правительство не будет чинить препятствия тем, кто хотел бы по своей воле вернуться в Казахстан.

Таким образом, готовность к поиску конструктивных решений, к взаимовыгодным компромиссам отличает дипломатические отношения Китая и Казахстана.

Литература

- 1 Хамисов В. ШОС и региональные отношения в Центральной Азии // <http://dialogs.org.ua/ru/periodic/page7396.html>
- 2 Су Ин мин. Интересы безопасности КНР и среднеазиатских стран в Азии // *Dong Ou Zhong Ya*. – №4. – 1994.
- 3 Центральная Азия: пути интеграции и мировое сообщество – М., 1995. – С.17
- 4 Хамраев Ф. Влияние «американского фактора» на политику Китая в Центральной Азии [Текст] / Хамраев Ф // *Саясат*. – 2003. – №11. – С. 20-24.
- 5 Бодаубаев Г.А. Транзитный потенциал: геополитические интересы как фактор диверсификации трансконтинентальных коридоров. // *Саясат*. – 2011. – №12. – С. 6-10.
- 6 Сергеева П. Интересы КНР в Центральной Азии. Республика Узбекистан// <http://ia-centr.ru/archive/commentse1a4.html?id=363>
- 7 Верещагин Б.Н. В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата – М., 1999. – С. 23.
- 8 Токаев К. Дипломатия Республики Казахстан. – Астана, 2001. – С. 58.

References

- 1 Hamisov V. ShOS i regional'nye otnosheniya v Central'noj Azii // <http://dialogs.org.ua/ru/periodic/page7396.html>
- 2 Su In min. Interesy bezopasnosti KNR i sredneaziatstkih stran v Azii, *Dong Ou Zhong Ya* №4, 1994
- 3 Central'naja Azija: puti integracii i mirovooe soobshhestvo – M., 1995. S.17
- 4 Hamraev F. Vlijanie «amerikanskogo faktora» na politiku Kitaja v Central'noj Azii [Tekst] / Hamraev F // *Sajasat*. - 2003. - №11 - S.20-24.
- 5 Bodaubaev G. A. Tranzitnyj potencial: geopoliticheskie interesy - kak faktor diversifikacii transkontinental'nyh koridorov. // *Sajasat*. - 2011. - №12. - S. 6-10.
- 6 Sergeeva P. Interesy KNR v Central'noj Azii. Respublika Uzbekistan// <http://ia-centr.ru/archive/commentse1a4.html?id=363>
- 7 Vereshhagin B.N. V starom i novom Kitae. Iz vospominanij diplomata – M., 1999. S.23
- 8 Tokaev K. Diplomatiya Respubliki Kazahstan Astana, 2001.S. 58